

Павел
БАСИНСКИЙ

СОНЯ,

УЙДИ!

Софья
Толстая:

*взгляд
мужчины
и женщины*
Роман-диалог

Павел
БАСИНСКИЙ

СОНЯ, УЙДИ!

**Софья
Толстая:**

*взгляд
мужчины
и женщины*

Роман-диалог

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

Павел Басинский

Соня, уйди!

Софья Толстая:
взгляд мужчины и женщины

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

Информация от издательства

*Издательство выражает сердечную благодарность Государственному музею
Л. Н. Толстого в Москве за предоставленные фотоматериалы.*

Художественное оформление К. Фадина, Н. Штефан

Басинский П. В.

Соня, уйди! Софья Толстая: взгляд мужчины и женщины. Роман-диалог / Павел Басинский. — М.: Молодая гвардия, 2020.

ISBN 978-5-235-04646-7

Супруга Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна (1844—1919) еще при жизни мужа стала не менее легендарной личностью, чем он сам. О ней писали газеты, ее снимал пионер русского кинематографа Александр Дранков, ее образ был запечатлен в первых художественных фильмах о жизни «великого Льва». И сегодня ее фигура привлекает биографов, кинематографистов и театральных деятелей. Она прожила с Толстым почти полвека, родила тринадцать детей, была его верной подругой и литературной помощницей. Но именно из-за конфликта с женой Толстой в 1910 году бежал из Ясной Поляны. Писатель и журналист, лауреат премии «Большая книга» Павел Басинский решил написать книгу о Софье Толстой в необычном формате — онлайн-диалогов с поэтом и прозаиком из Санкт-Петербурга Екатериной Барбанягой. Два взгляда — мужчины и женщины. Две точки зрения на судьбу великой жены великого писателя.

В [Приложении](#) публикуются малоизвестные тексты С. А. Толстой и очерки о ней Власа Дорошевича и Максима Горького.

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

16+

© Басинский П. В., 2020

© Барбаняга Е. Ю., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

«Не понимаю, как такая малая вина могла вызвать такой гнев, и, обеспокоенная этим, я бросилась — за ним вниз, в его кабинет... Он сидел мрачный и злой.

— Что с тобой, Лёвочка? — спросила я.

— Уйди! уйди! — злобно и громко кричал он».

С. А. Толстая. «Моя жизнь»

«И я уехала, прибавив, что если я сержусь, то потому, что слишком высоко ценю всё то, что касается Льва Николаевича, что я тоже львица, как жена Льва, и сумею показать свои когти при случае».

С. А. Толстая. Дневник

Предисловие

В издательстве «Молодая гвардия» мне несколько раз предлагали написать биографию Софьи Андреевны Толстой, жены Льва Николаевича Толстого. Как бы само собой предполагалось, что автор нескольких книг о Льве Толстом («Бегство из рая», «Святой против Льва», «Лев в тени Льва» и «Лев Толстой — свободный человек») просто обязан воздать должное супруге гения, прожившей с ним 48 лет — и каких лет! Там были и счастье, и горе, и невероятная любовь, и тяжелейшие конфликты.

Но для меня это было совсем не очевидно. Скажу откровенно: у меня рука не поднималась написать биографию этой великой женщины. Именно потому, что она была женщиной. Я был и остаюсь уверен, что многие моменты в ее судьбе может понять и оценить только женщина. Конечно, во всех моих книгах о Толстом она занимала огромное место, потому что нельзя представить себе жизнь Льва Николаевича без Софьи Андреевны. Но там я писал о ней именно как о спутнице гения, где каждый шаг, каждое слово, каждый поступок соотносились с тем, что она всегда находилась рядом с ним — величайшим писателем и мыслителем мира. Она и сама говорила: «Кто я такая? Я всего лишь жена Льва Толстого».

Однако я чувствовал, что это не совсем так или даже совсем не так. Я не понимал, каким образом удалось этой «всего лишь жене» занять в жизни Толстого такое важное место, отвоевать себе такую огромную и в чем-то независимую «территорию». Она всегда представлялась мне какой-то загадкой, каким-то ребусом, может быть, не менее сложным, чем сам Лев Толстой.

Но как это может понять биограф-мужчина, если даже сам Толстой не всегда понимал свою жену? Только женщина. Но почему-то достойных «женских» биографий Софьи Андреевны до сих пор в России так и не появилось.

И тогда я, может быть, опрометчиво, придумал необычный жанр. Мы договорились с моей знакомой, поэтом, прозаиком и

журналистом из Санкт-Петербурга Екатериной Барбанягой написать книгу о Софье Андреевне в жанре «романа-диалога».

Катя — человек очень талантливый, причем в разных сферах. Лауреат нескольких литературных премий. Ей тридцать лет, родом она из Одессы. Женщина современная и деловая, несколько лет возглавляла пресс-службу Фонда «Живая классика», до этого работала журналистом на радио. И наконец, Катя — мама двух замечательных детей, мальчика и девочки. Поэтому она лучше сможет понять какие-то мысли и поступки Софьи Андреевны — женщины деловой и хозяйственной, прекрасной матери, в то же время проявившей себя в разных жанрах творчества — мемуарной и художественной прозе, живописи, скульптуре и фотографии.

Словом, мы решились на эксперимент, даже не зная еще, как это сделать: Катя — в Питере, я — в Москве.

Но вот тут грянул пресловутый «карантин», и ужасная фраза «работа на удаленке» стала трендом сезона.

Так, «на удаленке», и написалась эта книга. Так сказать, «Софья Андреевна онлайн». Не знаю, что получилось. Нам было интересно. Думаю, Софья Андреевна нас простит.

Павел БАСИНСКИЙ

Введение в Софьеведение

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ: Катя, надеюсь, вы понимаете, что перед нами стоит заведомо невыполнимая задача?

КАТЯ БАРБАНЯГА: Какая именно?

П.Б./ Говорить о Софье Андреевне Толстой не как о жене великого Льва Николаевича Толстого, а как о самостоятельной личности. Великой женщине.

К.Б./ И что же здесь невыполнимого?

П.Б./ Объясняю... Много вы знаете биографий писательских жен? Давайте на раз, два, три...

К.Б./ Наталья Гончарова.

П.Б./ Да, о ней много написано. Но в основном в связи с дуэлью и гибелью Пушкина. А третьим персонажем непременно выступает Дантес. И обсуждают не столько ее как личность, сколько ее роль в гибели Пушкина. Марина Цветаева писала о ней весьма жестоко:

»»

Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч.

Это началось сразу после смерти Пушкина. Виновата, не виновата? Изменила, не изменила? Подходила такая жена Пушкину, не подходила? Впрочем, были и специальные труды о ней, в том числе и о ее жизни после смерти поэта, когда Наталья Пушкина вышла замуж за генерал-майора Петра Петровича Ланского и поменяла фамилию. Были книги о ней Ободовской и Дементьева еще советского времени. Прекрасные книги о Гончаровой написал Вадим Старк. Вообще Наталья Гончарова — безусловно одна из самых заметных в истории русской литературы женщин, вызывающая повышенный интерес. Но вы же понимаете, что все это не из-за ее личных качеств, сколь угодно замечательных. Все это благодаря

Пушкину. Ее жизнь с Ланским... Кстати, он ведь был человеком весьма незаурядным. Во время Крымской войны сформировал ополчение Вятской губернии, в 1865 году исполнял должность петербургского губернатора. Но это интересует только специалистов и узкий круг читателей. Гончарова вошла в историю как *жена Пушкина*, которая волей-неволей стала *причиной его гибели*. Да, я понимаю, что это несправедливо по отношению к ней, но это факт.

Кто еще?

К.Б./ Книппер-Чехова.

П.Б./ Прекрасно! Ольга Леонардовна — яркая женская фигура. Знаете, что написано о ней в Википедии? «Русская советская актриса МХАТа. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии I степени (1943). Жена писателя Антона Павловича Чехова». То есть Чехов — сбоку припека, Сталинская премия поважнее будет. Это как Леонардо да Винчи, устраиваясь на работу к какой-то знатной персоне, перечислял в письме, что он умеет. Медицина, фортификация, пятое, десятое. И в конце: «Еще немного умею рисовать».

Ольга Книппер была женой Чехова всего три года. Но то, что он ее безумно любил, — это очевидно. Он написал ей более четырехсот писем! Их невозможно читать без слез, без какого-то изумления перед невероятным и нерастраченным запасом любви и нежности, который был в Чехове и который он проявил так открыто и сильно в короткой любви к своей жене. К своей единственной поздней жене.

»»

Милая, славная, добрая, умная жена моя, светик мой, здравствуй! Я в Ялте, сижу у себя, и мне так странно!

Пиши, жена моя, пиши, а то мне скучно, скучно, и такое у меня чувство, как будто я женат уже 20 лет и в разлуке с тобой только первый год.

Ты мне снилась эту ночь. А когда я увижу тебя на самом деле, совсем неизвестно и представляется мне отдаленным. Ведь в конце января тебя не пустят!

Он умирал в Баденвейлере фактически у нее на руках. При этом о позднем браке Чехова с актрисой МХТ кто только не судачил, не злословил — Иван Бунин, например.

Но с другой стороны... Три года супружеской жизни и 400 писем — это что значит? Это значит, что Чехов в Ялте, а Книппер играет в Москве. Кстати, другая актриса МХТ Мария Андреева ради Максима Горького бросила театр и полностью посвятила себя Горькому на много лет, не будучи даже его законной женой. Единственной законной супругой Горького была и оставалась Екатерина Пешкова. Тем не менее Андреева стала его любовной подругой, секретарем, переводчиком, ездила с ним по всему свету, даже в Америку. А за Чеховым в Ялте ухаживала не Ольга Леонардовна, а сестра Мария Павловна.

К.Б./ И что из этого следует? Бросим в нее камень?

П.Б./ Нет, не нам об этом судить! Чехов ее любил, великий Чехов — вот что важно! Ольга Книппер вошла в историю как жена Чехова, и это было главным и судьбоносным моментом ее жизни. А ее театральные заслуги интересуют разве что театральные историки. Я, как и большинство людей, не представляю, какая она была актриса, но я знаю, что ее любил Чехов, и поэтому преклоняюсь перед ней. Опять-таки несправедливо, но это так...

Кто еще?

К.Б./ Любовь Менделеева.

П.Б./ Замечательно! Кто она без Александра Блока? Дочь великого химика Менделеева? Слабая актриса? Мемуаристка?

К.Б./ Позвольте-позвольте! Вот уж тут никак не соглашусь! Любовь Дмитриевна Блок — один из лучших в России историков балета. Ее труд «Классический танец: История и современность», который она писала несколько десятков лет, является почти Библией в хореографических училищах России.

Это специфика узкая, но она стала профессионалом и заняла свое место в истории русского искусства. Кстати, она жутко тяготилась тем, что ее воспринимали Прекрасной Дамой, и яростно пыталась завоевать себе свое имя. Она быстро этот образ переросла, и ее раздражали разговоры об этом. Она все время пыталась доказать, что она живая женщина, со своим характером и умом. Мне кажется, это вообще бич всех жен известных мужчин. Я не муза тебе и не прислуга! Я женщина! Я человек со своим миром! Дай мне свое слово сказать!

П.Б./ Ладно, пока сдаюсь. Вернемся к нашей героине. Софья Андреевна не была историком балета. И кто она без Толстого? Просто умная, красивая женщина, родившая мужу 13 детей. Мать-героиня. И еще с определенного времени — владелица имения, которое отписал ей муж еще при своей жизни. Сама вела хозяйство, но оно было убыточным — в минусе порядка двух тысяч рублей в год. Заботливо ухаживала за мужем, исполняла все его капризы, воспитывала его детей, сама чинила им носки, много шила, вязала, ткала красивые коврики в греческом стиле... Меню на каждый день составляла для повара. Ах да! Еще в совершенстве владела немецким (отец был немец) и французским. Неплохо рисовала и лепила, но дилетантски. Слабо, насколько мне известно, играла на фортепьяно. Даже фотографией занималась, но любой фотограф скажет, что это — не профессиональные снимки. И вот, если все это суммировать, можно сказать, что Софья Андреевна была личностью, которая вошла бы в историю? Если убрать из ее жизни такую незначительную деталь, как Лев Толстой? Простите меня за иронию!

К.Б./ Я понимаю, к чему вы клоните. И Гончаровой, и Книппер, и Менделеевой, и Софьи Андреевны как крупных, самостоятельных фигур, которые сами по себе вошли бы в историю без своих мужей, не существует. Грубо говоря: нет Пушкина — нет Гончаровой. Нет Чехова — нет Книппер. Нет Льва Николаевича — нет Софьи Андреевны. У меня есть сто возражений на это, но я приберегу их для будущего разговора. А пока — крушите женщин!

П.Б./ Дело не во мне. Это объективно так. Нет Достоевского — нет Анны Сниткиной. Обычная стенографистка, о которой сегодня никто бы не знал. И не надо упрекать меня в сексизме и женофобии. Я все отлично понимаю. Патриархат. Запрет на высшее образование для девушек. Раздельное воспитание девочек и мальчиков. Из девочек готовят жен и матерей, из мальчиков — воинов, политиков, писателей. Знаете, что сделали бы в XIX веке с группой «Пусси Райот» за их акцию в Храме Христа Спасителя, если бы это очаровательное трио не успела растерзать на паперти толпа? Их заточили бы в женский монастырь, где их идейно-нравственным воспитанием занялась бы лично игуменья. И, поверьте мне, два года в колонии общего режима в сравнении с этим показались бы им раем.

Словом, я все понимаю. Сам написал книгу об одной из первых стихийных русских феминисток Елизавете Дьяконовой — «Посмотрите на меня». Не думаю, что в моей книге хотя бы на одной странице есть женофобские высказывания.

Но именно поэтому я возвращаюсь к первому вопросу. Вы понимаете, что перед нами стоит невыполнимая задача: говорить о Софье Андреевне Толстой не только как о жене великого Толстого, а как о самостоятельной личности?

Мне неинтересно опять мусолить тему «супруги гения». Ах, она верой и правдой служила ему! Ах, она родила ему 13 детей! Ах, она 13 раз переписала «Войну и мир»! Ах, она всю жизнь хлопотала, чтобы ее великий муж, ни о чем бытовом не думая, сидел в Ясной Поляне, морщил могучий лоб и думал: как ему умертвить Анну Каренину? Отравить? Уже было — у Флобера. Повесить? Как-то не изящно. А вот брошу-ка я ее под поезд! Такую красивую, молодую, брошу ее под поезд. Вот это поноваторски! И разглаживаются морщины на лбу гения, и перо его летит по бумаге. Эх, вот тут описочка вышла! Да и почерк плохой, сам порой его не разбираю. Ну да ничего... Сонечка ночью все переписет. Уложит детишек спать — и все переписет. Авось, к утру-то и успеет. А я опять мараТЬ

ее чистовик буду, потому что я должен добиваться совершенства.

Я ведь почти не утрирую. Большинство именно так понимает главную проблему Софьи Андреевны. Это можно высекать резцом по камню: КАК ТРУДНО БЫТЬ ЖЕНОЙ ГЕНИЯ!

Трудно быть женой гения? А крестьянской женой легче? Деревенские бабы вообще в поле рожали. Потому что беременна ты, не беременна, а на носу дожди, и нужно сено сгребать. А эти поговорки мужицкие: «Бей бабу смолоду, будет баба золотом».

Представляете, Толстой такое бы своей жене сказал!

Верная подруга гения, говорите? Незаменимая помощница величайшего писателя мира? Это же счастье! Тогда отчего такой болью пронизан Дневник Софьи Андреевны?

К.Б./ Вы-то что об этом думаете?

П.Б./ Я пока ничего не думаю. Я поэтому и предложил вам этот диалог «на удаленке», в электронной переписке, чтобы вместе с вами разобраться в феномене Софьи Андреевны. Я написал о Толстом четыре книги и, смею думать, кое-что в нем все-таки понял (хотя до конца Толстого не поймет ни один человек в мире). Но Софья Андреевна остается для меня абсолютной загадкой.

Между тем, написав свою первую книгу — «Лев Толстой: Бегство из рая», — я вдруг понял, что главным толчком к ее написанию была не биография Льва Николаевича, а Дневник Софьи Андреевны. Он просто взорвал мне мозг.

Я писал книгу вообще-то об «уходе» Толстого, но, когда она вышла и имела определенный успех, я с изумлением обнаружил, что читают ее преимущественно женщины и волнует их не проблема Льва Николаевича, который в 1910 году куда-то «ушел», а проблема Софьи Андреевны. Мне звонит знакомый и полушутя говорит: «Ты что такое написал? Ты мою маму до слез довел своей книгой!» Я спрашиваю: а кого ей жалко? Толстого? Он говорит: да какого там Толстого! Она из-за Софьи Андреевны рыдает.

К.Б./ Да, ваша книга производит на женщин такое впечатление. Это значит, что вы, может быть, бессознательно

подняли в ней какие-то вечные женские темы, отразили какую-то вечную женскую боль. И это совсем не обязательно связано с «патриархатом» XIX века. И сейчас у женщин всё те же проблемы.

И вообще мне кажется, что Софья Андреевна в вашей книге возвышается над Львом Николаевичем, «переигрывает» его.

П.Б./ Но это же абсурд! Кто она и кто он?! Она, что ли, «Войну и мир» написала? Ну, переписывала она рукопись частями, когда он слишком много черкал, внося правку, так что уже и разобрать ничего на листе было нельзя. Но то, что она то ли семь, то ли тринадцать раз переписала «Войну и мир», — это чистый миф. Попробуйте один раз пером с чернильницей, а не ручкой и не на компьютере, переписать «Войну и мир». Один раз. У вас рука отвалится.

К.Б./ Тем не менее проблема Софьи Андреевны вас почему-то самого сильно волнует. Почему?

П.Б./ Я сформулировал это для себя так. Я не понимаю, каким образом этой загадочной женщине удалось на полях биографии величайшего писателя мира написать свой собственный роман. Сейчас этот жанр называется «автофикшн». Но это не только ее Дневник, мемуары и переписка с мужем, о которых мы, конечно, много будем говорить. Свой великий роман она создала самой своей жизнью, запечатленной в том числе в воспоминаниях, дневниках и письмах разных людей, посещавших Ясную Поляну, в мемуарах ее детей и других источниках. И этот роман не называется «Жена гения». Он как-то по-другому называется. Скажем: «Соня, уйди!» В этой злой фразе, однажды брошенной Толстым жене, есть какой-то не вполне понятный мне, но важный смысл. Не до конца она растворялась в своем муже, ох не до конца! И не жила она только и исключительно его жизнью. И роман ее жизни не был надиктован только ее великим мужем. У него свой стиль, своя интрига, даже своя философия. У Софьи Андреевны была своя философия. Мощная, убедительная, сильно не совпадающая со взглядами ее мужа, но порой более верная и жизненная, чем его взгляды после «духовного переворота».

Вот об этом я и хочу с вами поговорить.
К.Б./ Рискнем!

Глава первая

Толстого нет

Смирение паче гордости?

П.Б./ Начнем, как говорится, помолясь! У нас сейчас непростая задача: поговорить о Сонечке того времени, когда она еще не стала невестой, а тем более — женой Толстого. Так сказать, о Софье Андреевне «дотолстовского» периода.

Проблема в том, что об этом важном периоде ее жизни мы можем узнать только из двух источников: мемуаров Софьи Андреевны «Моя жизнь», которые она начала писать очень поздно, но еще при жизни мужа, в 1904 году, и воспоминаний Татьяны Андреевны Кузминской (в девичестве Берс), младшей сестры Софьи Андреевны, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Других подробных источников я не знаю. Что-то, какие-то обрывки воспоминаний о детстве, об отце и матери, есть в Дневнике Софьи Андреевны, но он открывается с 1862 года, начала ее супружеской жизни.

И прежде чем мы начнем разговор, цитата:

»

В прошлом году Владимир Васильевич Стасов просил меня написать мою автобиографию для женского календаря. Мне показалось это не скромно, и я отказала. Но, чем больше я живу, тем более вижу, сколько накапливается разных недоразумений, неверных сведений по поводу моего характера, моей жизни и многого, касающегося меня. А так как я сама по себе ничего не значу, а значение моей совместной 42-летней супружеской жизни с Львом Николаевичем не может быть исключено из его жизни, то я решила описать, пока еще только по воспоминаниям, свою жизнь... Постараюсь быть правдива и искренна до конца. Всякая жизнь интересна, а может быть, и моя когда-нибудь заинтересует кого-нибудь

из тех, кто захочет узнать, что за существо была та женщина, которую угодно было Богу и судьбе поставить рядом с жизнью гениального и многосложного графа Льва Николаевича Толстого.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь. Вступление»)

Вот что здесь любопытно! Вступление как будто выдержано в смиренных тонах. Дескать, кто я такая в сравнении с НИМ? ОН — велик, а я ничтожна. Просто Стасов для женского календаря попросил, нельзя отказать. И все равно — отказала, потому что «не скромно». Но дальше пишет двухтомные мемуары, потому что слишком много «неверных сведений по поводу моего характера, моей жизни и многого, касающегося меня». И дальше: «значение моей супружеской жизни», «решилась описать свою жизнь». Название мемуаров «Моя жизнь». В этом не было бы ничего особенного, так многие называли свои мемуары, если бы автор так старательно не подчеркивал во Вступлении свою незначительность перед великим Толстым.

Вам не кажется, это такое смирение паче гордости? Все-таки главной задачей мемуаров она ставила доказать всему миру, что ее значение в жизни Толстого было огромно и благотворно!

Вы заметили, как мало она пишет о детстве, об отце и матери? Почти ничего о бабушке — княгине Козловской. Почти ничего о дедушке Исленьеве, а это потрясающий был типаж — герой Бородина, помещик, игрок, в одну ночь проигрывавший все состояние и отыгрывавший его. Именно Исленьев, а не отец Толстого Николай Ильич лег в основу образа отца в «Детстве».

Вообще ничего о родословной со стороны своего отца. Молчит о том, что дедушка по этой линии был аптекарем, богатым, но всего лишь аптекарем. Зато рассказывает, как она девушкой презрительно отказала сыну аптекаря, который сделал ей предложение. Фи! Кто он такой, какой-то сын аптекаря!

К.Б./ Павел, я бы начала с того, что, в отличие от вас, сконцентрировала бы внимание на других словах цитаты: «Всякая жизнь интересна, а может быть, и моя когда-нибудь заинтересует кого-нибудь из тех, кто захочет узнать, что за существо была та женщина...» Вы слышите в этом лукавство? Я — нет. Я слышу мольбу к читателю: выглядеть и разглядеть *ее* — отдельное *существо* (слово «существо» идет даже перед словом «женщина»), которое находилось рядом с НИМ, но имело и свою собственную жизнь, которая могла бы «заинтересовать кого-нибудь». Почему «существо»? Потому что это самая низшая степень живого и разумного, но совершенно не нагруженная какой-либо оценкой. «Женщина» — уже слово, которое влечет за собой большое количество ассоциаций. Куда уж ожидать от читателя непредвзятости! А существо — это начальный материал. Это просьба посмотреть на нее будто на что-то впервые увиденное, не обремененное никакими мнениями и суждениями.

Понимаете, это ведь уже закат ее жизни, когда она начала писать эти мемуары. И эта жизнь была связана с Толстым во всех областях. Между ее замужеством, наступившим сразу после ее детства, и временем написания мемуаров — огромная жизнь, насыщенная таким количеством забот, катастроф, примирений, рождений, смертей и так далее — и вся сплошь с Толстым.

Представьте, что вам через сорок лет пешего пути придется описать первые ростки на дорожке, с которой начинался ваш путь. Будет это так легко, если на вашем пути попадались сотни людей, военные события, маскарады, горные переходы и так далее? Да, будет, если ваша дорога была скучна, а они по первости ощущений остались в памяти как самое приятное. Или вы будете их помнить года четыре первых, наверное, но потом эти ощущения затмят другие — более яркие в эмоциональном плане?

Софья Андреевна делала в книге акцент на том, что было важно *для нее*. Если смотреть на мемуары Софьи Андреевны с этой точки зрения — то я не вижу противоречий. Это и была

ее жизнь. Да, вся жизнь ее была — Толстой. А детство было подготовлением к этой жизни. Сама история семьи, история дружбы семей Исленьевых и Толстых, атмосфера дома, общие друзья — всё было подготовлением к объединению судеб. И тут вы можете справедливо сказать, что я, мол, противоречу себе. Пишу, что Софья Андреевна просит посмотреть на ее отдельную жизнь, а в то же время жизнь ее — Толстой.

Тут есть нюанс. Женская жизнь и женское служение, направленное на одного мужчину на всем своем протяжении, — это история формирования женской личности: обучения, перестройки, развития, смирения, привыкания, поиска своего места и значения, рождение и воспитание общих детей, борьба с собой, борьба за внутреннюю свободу и многое другое. Рядом с таким мужчиной женщина проживает свою отдельную жизнь, которая как бы сливается с его и незаметна, а на самом деле не менее значительна, чем жизнь мужчины.

А что не упомянула про аптекаря и сыну аптекаря отказала, так почему вы именно на этом факте акцентируете? Много разных обстоятельств могло быть причиной такого поведения, не только тщеславие Софьи Андреевны. Может, он был просто некрасивый.

П.Б./ Я не буду спорить. Тут важно, как прочитать это Вступление, как его интонировать. Но что любопытно. Пятеро детей Толстых оставили свои мемуары об отце — Сергей, Татьяна, Лев, Илья и Александра. И никто из них не оправдывается: ну кто я такой (такая), чтобы писать о себе? Лев Львович очень много пишет именно о себе в книге «Опыт моей жизни». У Саши целая книга называется «Дочь». Татьяна много пишет о своей молодости, несостоявшихся романах и так далее. Во Вступлении же Софьи Андреевны... нет, не гордость и не тщеславие, вы правы. Но тут какой-то психологический надлом.

К.Б./ Вас это удивляет? Но ведь это очевидно — в детях течет кровь их отца, они самим фактом рождения от него как бы часть Льва Толстого и наследуют его черты. Могут принимать их, могут спорить с ними, но они все равно его дети, то есть генетически как минимум наполовину Толстые. Какую бы

никчемную даже жизнь они вдруг ни прожили — они будут известны и признаваемы тем фактом, что они — дети Льва Толстого. А что такое Софья Андреевна? Она Толстая «приписанная», не кровная. И таким образом ей нужно заслуживать «равновеликость» через служение ему, нужно доказать, какой процент в этом монументе — ее рук дело.

Психологически у нее более сложное положение, чем у детей. Сначала ей надо встать рядом, показать, где она в его жизни, потом показать — где она отдельно со своей личной жизнью. Это что-то из кинематографии. Куда направлена камера — туда направлено и внимание зрителей. Читатель видит большой объект — Толстой. Потом замечает, что рядом с ним всегда нераздельная фигура, вроде как его часть тела, а потом — оп-оп! — в фокус входит Софья Андреевна, со своим взглядом на вещи, со своими страданиями и так далее. Это вообще правильный маркетинговый ход. Хочешь, чтобы на что-то обратили внимание — позови звезду в кадр.

П.Б./ То есть Толстой — это «звезда». Любопытное наблюдение и в принципе верное, хотя и не очень лестное для Софьи Андреевны. Но давайте все-таки четко обозначим ее стартовые позиции.

Ведь была у нее жизнь, в которой еще не было Толстого...

Были мама, папа, сестры, братья, первая любовь и прочее.

Андрей Евстафьевич

П.Б./ ОТЕЦ. Берс Андрей Евстафьевич (1808—1868). Немец, лютеранин. Кстати, тут у меня возникает вопрос: как он венчался со своей женой, которая была православной?

К.Б./ По законам Российской империи лица православного исповедания могли заключать браки как между собой, так и с иностранцами христианских исповеданий. Но в любом случае венчание происходило в православной церкви.

П.Б./ Спасибо за информацию. Кстати, я никогда не задумывался над тем, как на мировоззрение Софьи Андреевны могло повлиять то, что ее отец был лютеранином. Ни в

воспоминаниях, ни в Дневнике она ничего об этом не говорит. Она всю жизнь считала себя православной женщиной, соблюдала церковные обряды и традиции, любила православные праздники и крайне негативно впоследствии относилась к разрыву своего мужа с Церковью. Как, впрочем, была возмущена и его «отлучением».

Но все-таки задумаемся... Отец — протестант. Если сравнивать православную и протестантскую этики, главная разница между ними, на мой взгляд, будет следующей. Для православных крайне важно, что Христос пострадал и умер на кресте, а потом воскрес. Отсюда культ страданий: огромное количество почитаемых мучеников и страстотерпцев. Поэтому православная этика, особенно в ее эмоциональном ключе, заключается в том, что за страдания ради Христа в этой жизни ты получаешь блаженство за гробом. В протестантской этике нет культа мучеников. Верь в Бога, веди праведный образ жизни, помогай другим людям, и Бог вознаградит тебя уже в этой жизни. Будут счастье, прекрасная жена, замечательные дети и уютный домик на лоне природы. И хотя Софья Андреевна в Дневнике постоянно акцентирует, что она «жертва», «мученица», но это не имеет отношения к православию. Причина ее страданий — ее муж. Но это ее глубокое внутреннее переживание. А вот в реальной жизни она была очень практична. Культ семьи, детей. На каждый день расписано, какие продукты покупать, что готовить повару на завтрак, обед и ужин. Интересно, что в семье Берс продукты в Торговых рядах покупал отец. Это ясно из одного письма тестя Льву Николаевичу уже после его женитьбы. Он, а не мать, зовет «молодых» в Москву, предлагает поселиться рядом, готов закупать для них продукты.

Я не утверждаю, что протестантизм отца (да и насколько он был в нем силен?) повлиял на мировоззрение Сони. Но допустить это можно. А главное — немецкая кровь! Отсюда это странное сочетание в Софье Андреевне мечтательности, сентиментальности — и практичности в реальной жизни.

К.Б./ Павел, мне кажется, вы заметили сейчас кое-что очень важное. Скажу честно, я не связывала рациональность Софьи Андреевны с ее немецкими корнями, но вполне возможно, что вы правы. Такая потрясающая хозяйственность и прагматичность была в ней именно генетической. Объяснить ее склонность к жертвенности и культу страдания можно тем, что она была все-таки русская девушка, воспитанная в православной культуре. Русское страдание — отличительная национальная черта, не только у девушек, между прочим, но в женской натуре проявляется ярче всего. Но вы преувеличиваете протестантизм отца в бытовой стороне их жизни. Как правило, если семья была не сверхнабожная, а такая светская, как семья Берс, церковные традиции носили фоновый характер. Молитвы утренние и вечерние были скорее элементом воспитания детей, а для взрослых — способом разрядки. В воспоминаниях сестры Софьи Андреевны Татьяны Кузминской говорится о том, как она решила сходить с няней к обедне, не спрашиваясь у мамы. Но когда, опасаясь мамино недовольства, все же рассказала ей об этом, мама ответила: «Главное только, чтобы ты не простудилась».

П.Б./ Соглашусь. Но пойдем дальше... Сын аптекаря, врач Московской дворцовой конторы. В молодости, по словам Толстого, который очень любил своего тестя и был с ним на «ты» (большая редкость в обращении Толстого к другим людям), — «большой ловелас». Свидетельством тому — внебрачная дочь от Варвары Петровны Тургеневой, с которой ее домашний врач Берс путешествовал за границей. Таким образом, у Софьи Андреевны и Ивана Тургенева была общая сводная сестра. Ходили слухи, что и анархист Петр Кропоткин был сыном Берса, ибо Кропоткиных он тоже лечил.

У Андрея Евстафьевича был родной брат Александр Евстафьевич, петербургский гоф-медик, друживший с Петром Ильичом Чайковским. Однажды в квартире Берса Чайковский увидел лебедя с подбитым крылом, Берс его лечил. Лебедь вошел в залу, волоча это подбитое крыло, и тогда будто бы Чайковский и задумал «Лебединое озеро».

Берсы считали себя дворянами, но бумаги о их дворянстве сгорели во время пожара Москвы 1812 года. Только по окончании войны братья восстановили свое дворянство. Для Софьи Андреевны понятие аристократизма было крайне важным. Это Толстому не нужно было его доказывать. Род Толстых древнее рода Романовых. Толстой своим аристократизмом даже тяготился, хотел быть похожим на простого мужика, что ему, впрочем, до конца не удавалось. А его жена — нет! С каким воодушевлением она описывает в Дневнике и мемуарах свою встречу с Александром III и императрицей! А ее муж смеялся над этим. И даже ее дядя, Константин Александрович Иславин, после рассказа Софьи Андреевны о встрече с царем, сказал: «И что теперь, Сонечка, делать? Встать перед тобой по стойке смирно?»

Может быть, это шло от ущемленного аристократизма Берсов?

К.Б./ Очень сомневаюсь, что это шло от отца. По воспоминаниям его дочери Татьяны Берс, в будущем Кузминской, у него в кабинете запросто могли сидеть и вести общие беседы и мужики, и графы. У Софьи Андреевны все-таки было именно материнское чувство аристократизма. С некоторой опаской в отношении к мужикам. С прививкой «старыми нравами». В каком-то смысле она даже застряла в этом своем старом аристократизме. И — да! — выйти замуж за графа вполне соответствовало ее внутреннему запросу. Только вот граф оказался не так прост. Вроде граф, а в чем-то и мужик: спит на сене, подушки без наволочки, пахать ходит.

П.Б./ В 1849 году А. Е. Берсу было пожаловано звание гоф-медика, то есть дворцового медика. Но где Москва и где Двор? Цари в Москве только короновались, а потом бывали проездами. Как вспоминает Софья Андреевна, Александр II встречался с ее отцом, обращался к нему на «ты», спрашивал, где его собака (Берс был заядлым охотником), и справлялся о его здоровье. Это трогательно: царь заботится о здоровье своего гоф-медика!

К.Б./ А Татьяна Андреевна Кузминская утверждает, что он не один раз встречался с Александром II, причем именно как врач.

»»

Генерал-губернатор Закревский, видя, что дело плохо, послал телеграмму государю, которого ожидали тогда в Москву: «Студенты бунтуют. Попечитель и профессора держат их сторону».

Государь Александр II находился тогда в Варшаве и ответил телеграммой: «Не верю, буду сам».

Через несколько дней государь прибыл в Москву и остановился в Большом Кремлевском дворце. Он был нездоров, не выходил и никого не принял — ни попечителя, ни губернатора. Мой отец был приглашен к царю в качестве врача.

Государь всегда особенно милостиво относился к отцу. Однажды он подарил отцу охотничьего сеттера, а отец через год послал государю прелестных двух щенят. Помню у отца и табакерку с бриллиантами, подаренную царем. И всякий приезд царя в Москву был для отца праздником.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

П.Б./ Возможно. Но все мемуары нужно еще сто раз проверять. Как врач, он застал двух царей — Николая I и Александра II. Но в Москве был куда более «крутой» терапевт — Григорий Антонович Захарьин, кстати, лечивший и семью Толстого. Именно он, а также опытнейший лейб-хирург Н. А. Вельяминов и доктора Лейден и Гирш находились при Александре III в Ливадии, когда тот умирал в 1894 году.

Квартира Берс была, да, в Кремле. Но что такое Кремль до 1918 года, когда туда въехали большевики во главе с Лениным, выселили оттуда всех и рассадили по периметру латышских стрелков? Обычный жилой район Москвы, не самый элитный. Мещане, мастеровые. Так что Андрей Евстафьевич был, скажем так, районным доктором. Но еще, и это важно,

сверхштатным врачом московских театров. Поэтому театральная жизнь вошла в сознание Сони с детства. В Большом театре у Берс даже была своя ложа.

Характер у отца был непростой.

»»

Отец мой был хороший хозяин. Он был человек очень цельный, прямодушный, энергичный, горячий сердцем и очень вспыльчивый.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Согласно мемуарам Софьи Андреевны, отец очень любил свою жену, которой был старше на 18 лет. Под старость сильно ее ревновал и даже мучил своей ревностью, хотя для нее не было повода.

Софья Андреевна пишет, что внешнею она пошла в мать, а характером — в отца. Я думаю — да. Терзала Толстого ревностью, ревновала даже к тем женщинам, которые были у него до знакомства с ней. Кстати, в Дневнике Софьи Андреевны есть любопытное замечание, что Лев Николаевич с детства «не приучен любить». И вообще в семьях кто-то один любит, а другой «позволяет себя любить». И вспоминает отца, который любил ее мать, а она «позволяла себя любить». Так в кого она была: в мать или в отца?

К.Б./ Представляете, Павел, если окажется, что у нее было, например, $\frac{3}{5}$ характера отца и $\frac{2}{5}$ характера матери? Как тогда оценивать ее характер? Вам хочется вывести какую-то логическую схему, подвести красивую ровную черту. На мой взгляд, было в Софье Андреевне и от отца, и от матери, и это совершенно нормально. Какие-то черты отца — умение любить и выражать любовь, та же ревность, любовь к природе. Но, например, не было отцовской иронии и чувства юмора, не было легкости в увлечениях противоположным полом.

Есть вопрос посерьезнее. Вы говорите: Софья Андреевна в Дневнике делает выводы, что кто-то один в семье любит,

а другой «позволяет себя любить». Вы в это верите? Он любил, а она «позволяла себя любить»? Софья Андреевна любила, а Лев Николаевич «позволял себя любить»? Это такая красивая фраза, которую сочиняют для какого-нибудь монумента «Жертвам любви». На самом деле и мать любила отца. В воспоминаниях Кузминской мать гораздо более раскрыта, чем в мемуарах или Дневнике Софьи Андреевны. И видно, как много любви было в матери. Просто не в ее характере было показывать эту любовь открыто. В чем же она проявлялась? В уважении к мужу, которое чувствовали все дети, в заботе о его покое, в рождении ему детей и воспитании их.

Просто дети, и Соня и Таня, отмечают умение папа *показать* любовь и делают вывод, что папа любит больше. Так и в отношении любви Софьи Андреевны и Льва Николаевича. Так уж не любил он ее, а лишь позволял любить? Его письма и даже поздние записи о жене, в разгар последнего конфликта перед его «уходом», дышат такой любовью, нежностью, заботой о ней и жалостью к ней. Но, не наученный внешне проявлять любовь, он, видимо, недостаточно ее выказывал, и, как истинная «жертва своей любви», Софья Андреевна так резко писала, что он, мол, позволяет только себя любить. Не верьте женщинам, если они пишут или говорят что-то в досаде.

Любовь Александровна

П.Б./ Пойдем дальше... МАТЬ. Берс Любовь Александровна (1826—1886). В девичестве — Иславина. Незаконная дочь Александра Михайловича Исленьева и княгини Софьи Петровны Козловской (урожденной Завадовской). Девушкой Софья Петровна была насильно отдана замуж за князя Козловского, который был пьяницей, бежала от него к Исленьеву и жила с ним в незаконном браке, родив шестерых детей, которые тоже были незаконные, поэтому фамилию им изменили на Иславиных. Софья Андреевна пишет, что бабушка просила Козловского дать детям свою фамилию, он потребовал

за каждого 100 тысяч рублей — немыслимые по тем временам деньги!

Любовь Александровна была красавицей, недаром муж ее так ревновал. Она родила ему 13 детей, пятеро из которых умерли младенцами (запомним эти цифры!). Три дочери и четыре сына дожили до зрелого возраста. Умерла намного позже мужа, в Крыму. К умиравшей матери ездила Софья Андреевна. Для этого Толстому нужно было выписать ей разрешение, что она имеет право путешествовать одна, без мужа. Такие для женщин были времена!

Почему я обращаю внимание на цифры? Софья Андреевна в точности повторила свою мать. Тоже 13 детей и тоже пятеро умерли младенцами. Поэтому, когда современные женщины воздевают руки к небу и закатывают глаза: «Ах, 13 детей! Ах, пятеро умерли!» — и предлагают жене Толстого памятник поставить, мне хочется возразить, что тогда уж на памятнике должна быть и фигура ее матери.

Может, для XIX века это было не так страшно — 13 детей и 5 умерших маленькими? Половина детей даже в дворянских семьях умирали младенцами. От кори, гриппа, коклюша, чего угодно. Высокая температура, отсутствие антибиотиков. Это закладывалось в программу семьи. Первый умер, а мы уже второго родили. Второй умер, первый выжил. Нет, я все понимаю: матери страдали, но это не был какой-то шок. Я бы даже сказал, что к смерти взрослых детей относились с большим трагизмом.

К.Б./ Вы, Павел, смелый человек! Прочитав эти слова, 90 процентов матерей современности отправятся в супермаркет за помидорами, чтобы вас ими закидать. Если вы когда-то решите сравнивать или сопоставлять материнство XIX века и XXI — вам следует более внимательно изучить проблемы, легшие на женщин после века царствующего аборта, грубого и обязательного труда, истребления населения мировыми войнами, генетических заболеваний, получивших развитие в последние десятилетия, и другие вещи, кардинально поменявшие психологию и генетику женщин. Из века,

в котором трясутся над каждым вторым ребенком, а каждый третий растет без родителей, — очень сложно адекватно оценить состояние матерей, рожаящих 13 детей, хоронящих половину и нередко умирающих в родовой горячке. Они для нас — героини! Но равновеликие нам, отваживающимся рожать третьего или четвертого ребенка в современных реалиях.

Подвиг Софьи Андреевны не столько в том, что она рожала, выкармливала, выхаживала детей и почти половину схоронила младенцами, а в том, что обстоятельства ее при этом были иные, чем у ее матери. Отец Сони был последователен в вопросах воспитания и образования детей. Не помню, чтобы в воспоминаниях Софьи Андреевны или ее сестры Татьяны говорилось об обратном. Что же касается Толстого — вы и сами знаете. С одним ребенком — давай в простоте, с другим — давай в шелках. То им достаточно домашнего образования, то согласен на гимназию, то вдруг «духовный переворот», и давай вообще пойдём все огород сажать... Но от матери Софья Андреевна взяла очень много: и стойкость, и женственность, и внутреннюю строгость. Даже внешне, многие отмечали, Софья Андреевна была похожа на мать. Она выросла такой... женщиной для одного мужчины, для одной семьи, для одного дела — служения семье.

Отречение от детства

П.Б./ Катя! Вы, я вижу, очень внимательно читали «Мою жизнь». И вот теперь, не заглядывая в книгу, что вы помните из детства Сонечки? Только честно! Мне запомнилось то, как она с головой и ногами залезала в печь, чтобы достать матери, которая была постоянно беременной и страдала от интоксикации, уголь. Еще запомнилось, как она сладко спала на диванчике в ложе Берс, когда ее в десятый что ли раз повели на оперу «Жизнь за царя», а она ее уже наизусть помнила. Еще что на нее падала основная часть хозяйственных хлопот, потому что старшая сестра Лиза была умная и все время читала, а младшую Таню все баловали. Все! Где же куклы? Где

плюшевый медвежонок без одного глаза? Где шушуканья с Танечкой в кладовой? Где прислуга? Где пациенты отца? Такое ощущение, что ее жизнь начинается с того момента, как на даче Берс в Покровском, где Сонечка родилась и провела 17 летних периодов своей жизни, появился граф, артиллерийский поручик и уже знаменитый писатель Лев Толстой.

1856 год. Заехал по пути из Севастополя в Ясную Поляну в Подмосковье, в село Покровское, к подруге детства Любе Берс (ее отец и отец Толстого были соседями по имениям, вместе охотились и дружили семьями). Вот этот момент, когда три девочки (Соне — одиннадцать лет) накрывают Толстому и его товарищу, их дяде К. А. Иславину, стол, — вот первая действительно яркая картина. Такое впечатление, что она одиннадцать лет провела «в ожидании Толстого». И не говорите мне про сорок лет, которые отделяли ее от детства и отрочества в начале работы над мемуарами. В это же время П. И. Бирюков просит Толстого написать свои воспоминания. И он пишет: «Моя жизнь» (название в точности, как у жены) и «Воспоминания». Все — о детстве! Помнит детство до мельчайших подробностей. Дальше — провал в памяти.

У вас нет такого впечатления, что жизнь Софьи Андреевны начинается с появления в их доме Толстого? Может, это у меня такая абберация зрения?

К.Б./ Свои воспоминания о детстве, как единственном времени, в котором не было мучений, связанных с совместной жизнью с Толстым, Софья Андреевна все же очень берегла и лелеяла. Вы не увидите этого в ее мемуарах, но вы поймете это по ее Дневнику. Выскажу даже более радикальную мысль: она в каком-то смысле «погребла» свои воспоминания о детстве в период первых лет замужества. Как пытаются забыть первую любовь, которая слишком хороша и так контрастна по сравнению со всем, что встречается в жизни потом. Софья Андреевна принесла и свое детство, «единственное, что не отдано было» Толстому, в жертву их семейной жизни. Но не до конца «погребла», что-то постоянно внутри ее ныло и просило вспомнить то яркое и чистое, что называется

детством. Вот Лев Николаевич и Т. А. Кузминская сумели память о детстве сделать фундаментом будущего, позволяли себе любить детство и вспоминать его. У Софьи Андреевны была с этим, скажем прямо, «проблема». Она не сумела позволить детству вырасти внутри себя, пыталась стереть его, чтобы создать «другую себя», которую точно будет любить Толстой, которая будет соответствовать его представлению об идеале. Вот так и вышло, что до нас дошло только самое живучее из «затертого».

Что помню я из «Моей жизни»? Гораздо больше вашего. Помню, как она гуляла с папа и сестрами по стенам Кремля — один из поступков отца, которые Соня называет «папа баловал». Очарование ночи и крепостных стен в свете фонарей... Как детьми, вместе с братом Сашей и Таней, готовили подарок для старшей сестры Лизы. Каждый вложил что-то свое, надеясь порадовать сестру, а она выкинула подарок. Описание радости от хозяйственных забот, как нравилось ей «дежурство», общение со служащими в доме, как она выдавала им провизию... И особенно запомнилось, как Сонечка готовилась к экзаменам на домашнюю учительницу, сговорившись со своей подружкой. Как она, вопреки мнению родителей, усердно занималась и сдала экзамены, «обскакав» сестру Лизу. А еще во время этих занятий у Зайковских они с подругой ели «запрещенную» колбасу, которую достали из-под дивана. Да, описания кукол и мишек в этих мемуарах нет, то есть того, что ждешь от ребенка, который погружен в забавы. Но Соня не была такой девочкой. Она была озорная, но ее больше привлекали люди, социальные игры, детский театр, шалости и забавы не с куклами, а с живыми людьми. Она свою фантазию использовала в написании пьесок, повести, в актерских ролях. Ей было интереснее «играть в жизнь».

Три сестры

П.Б./ Давайте поговорим о сестрах... Три сестры — каноническая ситуация. Не случайно Чехов написал пьесу «Три